

Фридрих
Дюрренматт

СУДЬЯ
И ЕГО ПАЛАЧ
♦
ОБЕЩАНИЕ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.112.2
ББК 84(4ШВа)-44
Д 97

Friedrich Dürrenmatt
DER RICHTER UND SEIN HENKER
First published in 1952
Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG, Zurich
DER VERDACHT
First published in 1953
Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG, Zurich
DIE PANNE
First published in 1956
Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG, Zurich
DAS VERSPRECHEN
First published in 1958
Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG, Zurich
JUSTIZ
First published in 1985
Copyright © 1986 Diogenes Verlag AG, Zurich
DER PENSIONIERTE
Copyright © 1995 by Diogenes Verlag AG, Zurich
ABENDSTUNDE IM SPÄTHERBST
First published in 1958
Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG, Zurich
DER AUFTRAG ODER VOM BEOBACHTEN DES BEOBACHTERS
DER BEOBACHTER
Copyright © 1986 by Diogenes Verlag AG, Zurich
All rights reserved

Перевод с немецкого
Евгении Кацевой, Галины Снежинской, Евгения Факторовича,
Софьи Фридлянд, Романа Эйвадаса

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Е. А. Кацева (наследник), перевод, 2024
© Г. В. Снежинская (наследник), перевод, 2024
© Е. П. Факторович (наследники), перевод, 2024
© С. Л. Фридлянд (наследник), перевод, 2024
© Р. С. Эйвадис, перевод, 2016, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26069-6

Утром третьего ноября тысяча девятьсот сорок восьмого года Альфонс Кленин, полицейский из Тванна, обнаружил на обочине дороги, идущей из Ламбуэна (деревушки в Тессенберге), у лесистого ущелья Тваннбах, синий «мерседес». Как часто бывало той поздней осенью, стоял густой туман. Собственно говоря, Кленин уже прошел мимо машины, но вернулся, ибо, проходя мимо и мельком глянув сквозь мутные стекла машины, он увидел, что водитель навалился на руль. Он подумал, что тот пьян: будучи человеком рассудительным, Кленин остановился на самом простом объяснении. И решил поговорить с незнакомцем не официально, а по-человечески. Он подошел к автомобилю с намерением разбудить спящего, отвезти в Тванн, в гостиницу «Медведь», и с помощью черного кофе и горячего супа привести его в норму; хоть и запрещено водить машину в нетрезвом состоянии, но не запрещено ведь спать нетрезвому в машине, стоящей у обочины. Кленин открыл дверцу машины и по-отечески положил незнакомцу руку на плечо. Но сразу понял, что тот мертв. Виски его были прострелены. Теперь Кленин увидел также, что правая дверца машины распахнута. Крови в машине было немного, и темное-серое пальто на трупе казалось совсем чистым. Из кармана пальто высовывался край желтого бумажника. Кленин вытащил его и без труда установил, что покойник — Ульрих Шмид, лейтенант полиции города Берн.

Кленин не знал толком, что предпринять. Ему, деревенскому полицейскому, еще не приходилось сталкиваться с убийством. Он зашагал взад-вперед по обочине дороги. Когда же восходящее солнце пробило туман и осветило мертвеца, ему стало уже совсем не по себе. Он вернулся к машине, поднял серую фетровую шляпу, лежавшую у ног убитого, надел ему на голову и на-

тянул ее так низко, что она закрыла рану на висках; после этого он немного успокоился.

Полицейский перешел на противоположную сторону дороги, ведущей в Тванн, и вытер пот со лба. Затем он принял решение: осторожно подвинул убитого на место рядом с водителем, закрепил безжизненное тело кожаным ремнем, который он нашел в багажнике, и сел за руль.

Мотор постоянно глох, но Кленин все же без особых усилий добрался по круто спускающейся к Тванну дороге к гостинице «Медведь». Там он заправился, и никто не заподозрил в благопристойном и неподвижном пассажире мертвеца. Это вполне устраивало Кленина, не любившего скандалов, и он молчал.

Когда он ехал вдоль озера в сторону Биля, туман снова сгустился и солнце исчезло. Утро помрачнело, как последний день пред Страшным судом. Кленин угодил в середину длинной вереницы машин, двигавшейся почему-то еще медленнее, чем того требовал туман. «Похоже на похоронную процессию», — невольно подумалось Кленину. Мертвец сидел неподвижно рядом с ним и только изредка, когда машина подсакивала на ухабах, качал головой, как старый мудрый китаец, и Кленин отказался от попыток обогнать идущие впереди машины. Они достигли Биля с большим опозданием.

Когда в Биле началось расследование дела, о печальной находке сообщили в Берн комиссару Берлаху, который был к тому же непосредственным начальником убитого.

Берлах долгое время жил за границей и прославился как криминалист в Константинополе, а затем в Германии. Напоследок он возглавлял уголовную полицию во Франкфурте-на-Майне, но еще в тысяча девятьсот тридцать третьем году вернулся в свой родной город. Причиной его возвращения была не столько горячая любовь к Берну, который он частенько называл своей золотой могилой, сколько пощечина, которую он дал одному высокому чиновнику тогдашнего нового немецкого правительства. В свое время во Франкфурте было много разговоров об этом инциденте, а в Берне его оценивали в зависимости от политической конъюнктуры в Европе — сначала как возмутительный акт, потом как заслуживающий осуждения, хотя и вполне понятный, и, в конце концов, как единственно возможный для швейцарца поступок; но так говорили лишь в сорок пятом.

Первое, что сделал Берлах по делу Шмида, — это отдал распоряжение на начальной стадии вести расследование тайно; выполнения этого распоряжения он добился, лишь пустив в ход весь свой авторитет. «Известно слишком мало, а газеты — самое ненужное из всех изобретений последних двух тысячелетий», — сказал он.

Берлах, по-видимому, многого ожидал от негласных действий, в отличие от своего шефа, доктора Луциуса Лутца, читавшего лекции по криминалистике в университете. Этот чиновник, на бернскую ветвь которого благотворно повлиял богатый дядюшка из Базеля, только что вернулся в Берн после посещения нью-йоркской и чикагской полиции и был потрясен «доисторическим состоянием борьбы с преступностью в столице Швейцарской федерации», как он открыто заявил директору полиции Фрейбергеру, возвращаясь однажды вместе с ним домой в трамвае.

В то же утро Берлах, еще раз переговорив по телефону с Билем, решил навестить семью Шенлер на Бантингерштрассе, где квартировал Шмид. Старый город и мост Нюдекбрюке Берлах, по своему обыкновению, прошел пешком, ибо Берн был, по его мнению, слишком маленьким городом для «трамвая и тому подобного».

Лестницу он одолел с некоторым трудом — ему было уже за шестьдесят, и в таких случаях годы давали о себе знать. Но вскоре он оказался перед домом Шенлеров и позвонил.

Госпожа Шенлер сама открыла дверь. Это была маленькая, толстенькая, не лишенная благородства дама; она сразу же впустила Берлаха, которого знала.

— Шмид ночью уехал в командировку, — сказал Берлах. — Ему пришлось уехать неожиданно, и он попросил меня кое-что выслать ему. Проводите меня, пожалуйста, в его комнату, фрау Шенлер.

Госпожа Шенлер кивнула, и они пошли по коридору мимо большой картины в тяжелой золоченой раме. Берлах взглянул на картину — это был «Остров мертвых».

— А куда поехал господин Шмид? — спросила упитанная дама, открывая дверь в комнату.

— За границу, — ответил Берлах, посмотрев на потолок. Комната была расположена на уровне земли, в окно через садовую калитку был виден маленький парк со старыми коричневыми елями, по всей видимости больными — почва под ними была густо усыпана хвоей. Комната эта была, вероятно, лучшей в доме.

Берлах подошел к письменному столу и снова огляделся. На диване лежал галстук убитого.

— Господин Шмид, конечно, в тропиках, не так ли, господин Берлах? — с любопытством спросила фрау Шенлер. Берлах немножко испугался.

— Нет, он не в тропиках. Он скорее в горах.

Фрау Шенлер вытаращила глаза и всплеснула руками:

— Господин на Гималаях?

— Примерно, — сказал Берлах. — Вы почти угадали.

Он раскрыл папку, лежавшую на письменном столе, и сразу же сунул ее под мышку.

— Вы нашли то, что должны послать господину Шмиду?

— Да, нашел.

Он еще раз огляделся, стараясь не смотреть на галстук.

— Это лучший жилец, который у нас когда-либо был. И никогда никаких историй с женщинами или чего-нибудь такого, — заверила его фрау Шенлер.

Берлах направился к двери.

— Время от времени я буду присылать служащего или заходить сам. У Шмида здесь есть еще важные документы, и они могут нам понадобиться.

— А я получу от господина Шмида открытку из-за границы? — поинтересовалась фрау Шенлер. — Мой сын собирает марки.

Берлах наморщил лоб, задумчиво посмотрел на фрау Шенлер и с сожалением ответил:

— Вряд ли. Из таких служебных командировок обычно не посылают открыток. Запрещено.

Фрау Шенлер снова всплеснула руками и разочарованно воскликнула:

— И чего только полиция не запрещает!

Берлах повернулся и вышел. Он рад был выбраться из этого дома.

Погруженный в глубокое раздумье, Берлах, вопреки обыкновению, обедал не в Шмидтубе, а в ресторане «Дю Театр». При этом он внимательно просматривал бумаги из папки, взятой в комнате Шмида. После короткой прогулки по Бундесштрассе он к двум часам вернулся в свою контору, где его ожидало известие, что мертвый Шмид прибыл из Биля. Но от визита к своему бывшему подчиненному он отказался, ибо не любил покойников и старался не тревожить их. Он охотно отказался бы и от визита к Лутцу, но тут уж поделаться ничем не мог. Тщательно заперев папку Шмида в своем письменном столе, он закурил сигару и пошел в кабинет Лутца, отлично зная, что того раздражает эта вольность, которую позволяет себе старик. Однажды, много лет назад, Лутц отважился сделать ему замечание, но Берлах презрительно отмахнулся и сказал, что он когда-то десять лет состоял на турецкой службе и всегда курил в кабинетах своих начальников в Константинополе, — этот ответ был тем более весом, что проверить его было невозможно.

Доктор Луциус Лутц встретил комиссара раздраженно, так как, по его мнению, следствием еще ничего не было предпринято. Он указал на мягкое кресло около письменного стола.

— Что слышно из Биля? — осведомился Берлах.

— Пока ничего, — ответил Лутц.

— Странно, — сказал Берлах, — они ведь работают как одержимые.

Берлах сел и мельком взглянул на развешанные по стенам картины Траффелета, цветные рисунки, на которых солдаты — то с генералом во главе, то без генерала — маршировали под большим развевающимся знаменем справа налево или слева направо.

— Опять мы с новой, растущей тревогой убеждаемся, — начал Лутц, — что в нашей стране криминалистика еще не выросла из пеленок. Видит Бог, я ко многому привык в кантоне, но те действия, которые предпринимаются в связи с убитым лейтенантом полиции и, по-видимому, считаются вполне естественными, показывают профессиональные способности нашей сельской полиции в таком жутком свете, что я просто потрясен.

— Успокойтесь, доктор Лутц, — сказал Берлах, — наша сельская полиция не менее искусна, чем полиция в Чикаго, и убийцу Шмида мы непременно найдем.

— Вы кого-нибудь подозреваете, комиссар Берлах?

— Да, я кое-кого подозреваю, доктор Лутц.

— Кого же?

— Этого я пока сказать не могу.

— Ну-ну, это интересно, — сказал Лутц. — Я знаю, вы, комиссар Берлах, всегда готовы оправдать ошибки в применении великих открытий современной криминалистики. Но все же не следует забывать, что время движется вперед и не всегда знаменитые криминалисты поспевают за ним. В Нью-Йорке и Чикаго я знакомился с такими преступлениями, о которых вы в нашем милом Берне не имеете, пожалуй, и отдаленного представления. Но вот убит лейтенант полиции, а это верный признак того, что и здесь, в самом здании общественной безопасности, дело неблагополучно и, значит, действовать надо решительно.

— Разумеется, это я и делаю, — заметил Берлах.

— Тогда все в порядке, — ответил Лутц и закашлялся.

Настенные часы громко тикали.

Берлах осторожно приложил левую руку к желудку, а правой погасил сигару в пепельнице, пододвинутой ему Лутцем. Он уже некоторое время не совсем здоров, сказал он, врач, во всяком случае, им недоволен. Его часто мучают боли в желудке, и он просит поэтому доктора Лутца дать ему заместителя по делу об убийстве Шмида, который мог бы заняться главным. А он, Берлах, хотел бы заниматься этим делом больше за письменным столом. Лутц дал свое согласие.

— Кого бы вы взяли заместителем? — спросил он.

— Чанца, — ответил Берлах. — Он, правда, еще в отпуске, в Бернском нагорье, но его можно отозвать.

— Я не возражаю. Чанц, по-моему, человек, всегда старающийся быть на высоте поставленных перед ним задач, — закончил Лутц.

Он повернулся спиной к Берлаху и стал глядеть в окно на детей, заполнивших площадь перед сиротским домом.

Вдруг его обуяло неодолимое желание поспорить с Берлахом о значении современной научной криминалистики. Он обернулся, но кабинет был уже пуст.

Хотя время приближалось к пяти часам, Берлах решил еще сегодня побывать в Тванне на месте преступления. За руль он посадил Блаттера, высокого грузного полицейского, обычно молчаливого, за что Берлах его и любил. В Тванне их встретил Кленин; он ожидал нагоняя и заранее насупился. Комиссар же был с ним приветлив, пожал ему руку и заявил, что рад познакомиться с человеком, умеющим самостоятельно думать. У Кленина слова комиссара вызвали чувство гордости, хотя он не совсем понял, что старик имел в виду. Он повел Берлаха по дороге на Тессенберг к месту преступления. Блаттер плелся следом, недовольный тем, что приходится идти пешком.

Берлаха удивило название Ламбуэн.

— По-немецки деревушка называется Ламлинген, — пояснил Кленин.

— Так-то оно лучше, — пробормотал Берлах, — это уже звучит.

Они подошли к месту преступления. Справа дорога вела в сторону Тванна и была обнесена каменной оградой.

— Где стояла машина, Кленин?

— Здесь, — ответил полицейский и указал на дорогу, — почти на середине. — И так как Берлах и не взглянул в ту сторону, добавил: — Может, было бы лучше, если бы я оставил машину с убитым здесь?

— Почему? — спросил Берлах и посмотрел вверх на Юрские горы. — Мертвых нужно как можно скорей убирать, им нечего делать среди нас. Вы были совершенно правы, отправив Шмида в Биль.

Берлах подошел к краю дороги и посмотрел вниз на Тванн. Между ним и старым поселком раскинулись сплошные виноградники. Солнце уже зашло. Улица извивалась, как змея, между домами; у вокзала стоял длинный товарный состав.

— Разве там, внизу, ничего не было слышно, Кленин? — спросил он. — Городок ведь совсем близко, любой выстрел там должен быть слышен.

— Там слышали только шум мотора, работавшего всю ночь, но в этом никто не заподозрил ничего плохого.

— Разумеется, как тут было заподозрить что-нибудь?

Он снова посмотрел на виноградники.

- Каково вино в этом году, Кленин?
- Отличное. Мы можем его потом попробовать.
- Хорошо бы. Я не отказался бы сейчас от стаканчика молодого вина.

Правой ногой он наступил на что-то твердое. Он нагнулся, и в его худых пальцах оказался маленький, продолговатый и сплюснутый спереди кусочек металла.

Кленин и Блаттер с любопытством уставились на него.

- Пуля от револьвера, — сказал Блаттер.
- Как это вам опять удалось, господин комиссар! — удивился Кленин.
- Это всего лишь случайность, — сказал Берлах, и они спустились в Тванн.

Молодое тваннское вино, видимо, не пошло Берлаху на пользу — на следующее утро он заявил, что его всю ночь рвало.

Лутц, встретивший комиссара на лестнице, серьезно забеспокоился по поводу его самочувствия и посоветовал обратиться к врачу.

— Ладно, ладно, — проворчал Берлах и сказал, что врачей он любит еще меньше, чем современную научную криминалистику.

В кабинете ему стало лучше. Он уселся за письменный стол и вынул папку покойного.

Берлах все еще был погружен в чтение бумаг, когда в десять часов к нему явился Чанц, который накануне поздно ночью возвратился из отпуска.

Берлах вздрогнул — в первый момент ему показалось, что к нему пришел мертвый Шмид. На Чанце было такое же пальто, какое носил Шмид, и такая же фетровая шляпа. Только лицо иное — добродушное и полное.

— Хорошо, что вы здесь, Чанц, — сказал Берлах. — Нам нужно обсудить дело Шмида. Главное, вы должны взять его на себя, я не совсем здоров.

— Да, — ответил Чанц, — я уже знаю об этом.

Чанц сел, придвинул стул к письменному столу Берлаха и положил на него левую руку. На столе лежала раскрытая папка Шмида.

Берлах откинулся в кресле.

— Вам я могу признаться, — начал он. — От Константинополя до Берна я повидал тысячи полицейских, хороших и плохих. Многие из них были не лучше того бедного сброда, которым мы заселяем всякие тюрьмы, лишь случайно они оказались по другую сторону закона. Но к Шмиду это не относится, он был самым одаренным. Он мог всех нас заткнуть за пояс. У него была ясная голова, он знал, чего хотел, молчал о том, что знал, и говорил лишь тогда, когда нужно. Нам надо брать пример с него, Чанц, он во многом превосходил нас.

Чанц медленно повернул голову к Берлаху — он все время смотрел в окно — и сказал:

— Возможно.

Берлах видел, что его заместитель в этом не убежден.

— Мы мало что знаем о гибели Шмида, — продолжал комиссар. — Вот пуля, и это все. — С этими словами он положил на стол пулю, найденную им в Тванне.

Чанц взял ее и стал разглядывать.

— Она от армейского пистолета, — сказал он, вернув пулю.

Берлах захолопнул папку на своем столе.

— Мы не знаем, что нужно было Шмиду в Тванне или Ламлингене. У Бильского озера он находился не по служебным делам, иначе я знал бы о поездке. Нам не известна ни одна из причин, хоть сколько-нибудь объясняющих его поездку.

Чанц невнимательно слушал Берлаха, он положил ногу на ногу и сказал:

— Нам только известно, как Шмид был убит.

— Откуда вам это известно? — не без удивления спросил комиссар после паузы.

— В машине Шмида руль слева, и вы нашли пулю с левой стороны дороги, если смотреть из машины; кроме того, в Тванне всю ночь слышали работу мотора. Убийца остановил Шмида, когда он из Ламбуэна ехал в Тванн. По-видимому, он знал убийцу, иначе не остановил бы машину. Шмид открыл правую дверцу, чтобы впустить убийцу, и снова сел за руль. В этот момент он и был убит. Шмид понятия не имел о намерениях человека, который его убил.

Берлах задумался и сказал:

— Теперь я хочу закурить еще одну сигару. — Закурив, он продолжал: — Вы правы, Чанц, возможно, все так и происходило между Шмидом и его убийцей, хочу вам верить. Но это не объясняет, что нужно было Шмиду на дороге из Тванна в Ламлинген.

Чанц напомнил комиссару, что под пальто на Шмиде был фрак.

— Этого я и не знал, — сказал Берлах.

— А разве вы не видели убитого?

— Нет, я не люблю покойников.

— Но это же указано в протоколе.

— Протоколы я люблю еще меньше.

Чанц молчал.

Берлах продолжил:

— Это еще больше осложняет дело. Что делал Шмид во фраке в Тваннбахском ущелье?

— Может быть, это как раз упрощает дело, — ответил Чанц, — в районе Ламбуэна наверняка живет не много людей, устраивающих приемы, на которые нужно являться во фраке.

Он вытащил маленький карманный календарь и пояснил, что это календарь Шмида.

— Я знаю его, — кивнул Берлах, — там нет ничего важного.

Чанц возразил:

— Шмид отметил среду, второго ноября, буквой «Г». В этот день около полуночи он был убит — так считает судебный врач. Еще одним «Г» помечена среда двадцать шестого, затем вторник, восемнадцатого октября.

— «Г» может обозначать все, что угодно, — сказал Берлах, — женское имя или еще что-нибудь.

— Бряд ли это женское имя, — возразил Чанц. — Девушку Шмида звали Анной, а Шмид отличался постоянством.

— О ней мне тоже ничего не известно, — признался Берлах; увидев же, что Чанц удивлен его неведением, добавил: — Меня интересует только, кто убийца Шмида, Чанц.

Чанц вежливо ответил:

— Конечно, — потом покачал головой и засмеялся. — Какой вы все же странный человек, комиссар Берлах.

Берлах совершенно серьезно сказал:

— Я большой старый черный кот, который охотно жрет мышей.

Чанц не знал толком, что на это ответить, и наконец заявил:

— В дни, помеченные буквой «Г», Шмид каждый раз надевал фрак и уезжал на своем «мерседесе».

— Откуда вам все это известно?

— От госпожи Шенлер.

— Так-так, — пробормотал Берлах и замолчал. Потом он сказал: — Да, это факты.

Чанц внимательно посмотрел в лицо Берлаха, закурил сигарету и неуверенно произнес:

— Господин доктор Лутц сказал мне, что у вас есть определенное подозрение.

— Да, оно у меня есть, Чанц.

— Поскольку теперь я ваш заместитель по делу об убийстве Шмида, не лучше ли сказать мне, на кого падает ваше подозрение, комиссар Берлах?

— Видите ли, — ответил Берлах медленно, так же тщательно взвешивая каждое слово, как это делал Чанц, — мое подозрение не есть криминалистически научное подозрение. У меня нет никаких данных, подтверждающих его. Вы видели сейчас, как мало я знаю. Я лишь предполагаю, кого можно заподозрить как убийцу; но тот, кого это касается, должен еще представить доказательства, что это был именно он.

— Как вас понять, комиссар? — спросил Чанц.

Берлах улыбнулся:

— Ну, мне придется подождать, пока обнаружатся косвенные улики, оправдывающие его арест.

— Раз мне придется работать с вами, я должен знать, против кого направить следствие, — вежливо пояснил Чанц.

— Прежде всего мы должны быть объективными. Это касается меня, имеющего подозрение, и касается вас, который в основном поведет следствие. Не знаю, подтвердится ли мое подозрение. Я подожду результатов вашего расследования. Вам надлежит найти убийцу Шмида, невзирая на мои подозрения. Если тот, кого я подозреваю, и есть убийца, вы сами к этому придете, но, в противоположность мне, безупречным научным путем; если

же он не тот, вы найдете настоящего убийцу, и ни к чему знать имя человека, которого я напрасно подозревал.

Они помолчали некоторое время, затем старик спросил:

— Вы согласны с таким методом работы?

Чанц помедлил, прежде чем ответить:

— Хорошо, я согласен.

— С чего вы хотите начать, Чанц?

Чанц подошел к окну:

— Сегоднешний день помечен в календаре Шмида буквой «Г». Я хочу поехать в Ламбуэн и посмотреть, что там можно выяснить. Поеду в семь, в то самое время, в какое всегда ездил Шмид, когда собирался в Тессенберг.

Он снова повернулся и вежливо, но словно шутя спросил:

— Поедете со мной, комиссар?

— Да, Чанц, я поеду с вами, — ответил тот неожиданно.

— Хорошо, — сказал Чанц в замешательстве, ибо никак не рассчитывал на такой ответ. — В семь.

В дверях он еще раз обернулся:

— Вы ведь тоже были у фрау Шенлер, комиссар Берлах. Вы ничего там не нашли?

Старик ответил не сразу, сперва он запер папку в письменном столе и положил ключ в свой карман.

— Нет, Чанц, — произнес он наконец, — я ничего не нашел. Вы можете идти.

В семь часов вечера Чанц поехал к Берлаху в Альтенберг, где в доме на берегу Аары комиссар жил с тысяча девятьсот тридцать третьего года. Шел дождь, и быстроходную полицейскую машину занесло при повороте на Ньюдекбрюке. Но Чанц ловко управился с ней. По Альбертштрассе он поехал медленно, так как никогда еще не бывал у Берлаха; сквозь мокрые стекла он с трудом рассмотрел нужный номер дома. На его неоднократные гудки никто в доме не откликнулся. Чанц вышел из машины и побежал под дождем к дому. В темноте он не нашел звонка и после недолгих колебаний нажал дверную ручку. Дверь была не заперта, и Чанц вошел в прихожую. Он увидел полуоткрытую дверь, из-за которой падал луч света. Он шагнул к двери

и постучал, но, не получив ответа, распахнул ее. Перед ним был холл. Стены были заставлены книгами, на диване лежал Берлах. Комиссар спал, но было видно, что он подготовился к поездке к Бильскому озеру — он лежал в зимнем пальто. В руке он держал книгу. Было слышно его ровное дыхание, и Чанц не знал, что делать. Спавший старик и это множество книг вселяли страх. Чанц внимательно огляделся. В помещении не было окон, но в каждой стене — дверь, ведущая в другие комнаты. Посередине стоял большой письменный стол. Взглянув на него, Чанц остолбенел: в центре покоилась большая бронзовая змея.

— Я привез ее из Константинополя, — донесся спокойный голос с дивана. Берлах поднялся. — Вы видите, Чанц, я уже в пальто. Мы можем идти.

— Простите меня, — ответил ошеломленный Чанц, — вы спали и не слышали, как я вошел. Я не нашел звонка у двери.

— У меня нет звонка. Он мне не нужен, дверь никогда не запирается.

— Даже когда вас нет дома?

— Даже когда меня нет дома. Всегда очень интересно, вернувшись домой, посмотреть, украдено у тебя что-нибудь или нет.

Чанц засмеялся и взял привезенную из Константинополя змею в руки.

— Этой штукой меня однажды чуть не убили, — заметил комиссар слегка иронически, и только теперь Чанц разглядел, что голову змеи можно использовать как ручку, а тело ее остро как кинжал. Озадаченно рассматривал он причудливый орнамент, поблескивавший на страшном оружии. Берлах стоял рядом с ним.

— Будьте мудрыми, как змеи, — сказал он, долго и задумчиво разглядывая Чанца. Потом, улыбнувшись, добавил: — И нежными, как голуби. — Он слегка похлопал его по плечу. — Я спал. Впервые за много дней. Проклятый желудок.

— Так худо? — спросил Чанц.

— Да, так худо, — ответил комиссар хладнокровно.

— Оставайтесь дома, господин Берлах, на улице холодно и дождливо.

Берлах снова посмотрел на Чанца и засмеялся:

— Ерунда, ведь надо найти убийцу. Вам, возможно, на руку, чтобы я остался дома?

Уже сидя в машине и проезжая по Ньюдекбрюке, Берлах сказал:

— Почему вы не поехали через Ааргауэрштальден в Цолликофен, Чанц, это ведь ближе, чем через весь город?

— Потому что я хочу попасть в Тванн не через Цолликофен — Биль, а через Керцерс — Эрлах.

— Это необычный маршрут, Чанц.

— Не такой уж необычный, комиссар.

Они замолчали. Огни города проносились мимо них.

Когда они проезжали Вефлеем, Чанц спросил:

— Ездили вы когда-нибудь со Шмидом?

— Да, частенько. Он был осторожным водителем. — Берлах неодобрительно посмотрел на спидометр, который показывал почти сто десять.

Чанц немного сбавил скорость.

— Однажды я ехал со Шмидом черт знает как медленно, и я помню, что он как-то странно называл свою машину. Он произнес это имя, когда мы заправлялись. Вы не помните, как он называл свою машину? Я забыл.

— Он называл свою машину «синим Хароном», — ответил Берлах.

— Харон — это персонаж из греческой мифологии, не так ли?

— Харон перевозил умерших в царство теней, Чанц.

— У Шмида были богатые родители, и он мог учиться в гимназии. А такой, как я, не мог себе этого позволить. Вот он и знал, кто такой был Харон, а мы этого не знаем.

Берлах засунул руки в карманы пальто и снова глянул на спидометр.

— Да, Чанц, — сказал он. — Шмид знал греческий и латынь, он был образованным человеком, и потому перед ним открывалось большое будущее; тем не менее я не ездил бы быстрее ста километров в час.

Миновав Гюмменен, машина вдруг остановилась у бензоколонки. К ним тотчас подошел заправщик.

— Полиция, — сказал Чанц, — нам нужны кое-какие сведения.

На лице склонившегося к машине человека мелькнули любопытство и испуг.

— Останавливался ли у вас два дня назад автомобилист, называвший свою машину «синим Хароном»?

Человек удивленно покачал головой, и Чанц поехал дальше.

— Спросим у следующего.

На заправочной под Керцерсом тоже ничего не знали.

Берлах проворчал:

— То, что вы делаете, не имеет смысла.

Неподалеку от Эрлаха Чанцу повезло. В понедельник вечером здесь побывал такой, ответили ему.

— Вот видите, — сказал Чанц, свернув у Ландерона на дорогу Нойенбург — Биль, — теперь нам известно, что в понедельник вечером Шмид ехал по дороге Керцерс — Инс.

— Вы уверены? — спросил комиссар.

— Я представил вам бесспорное доказательство.

— Да, доказательство бесспорное. Но что оно вам дает, Чанц? — поинтересовался Берлах.

— Мало что. Но все, что мы знаем, нам поможет в дальнейшем, — ответил он.

— Вы правы, — сказал старик, высматривая Бильское озеро. Дождь прекратился. После Нойвевиля озеро выглянуло сквозь разрывы тумана. Они въехали в Лигерц. Чанц ехал медленно, ища поворот на Ламбуэн.

Теперь машина взбиралась по склонам виноградников. Берлах опустил стекло и смотрел вниз, на озеро. Над островом Петра видны были звезды. В воде отражались огни, по озеру неслась моторная лодка. Поздновато для этого времени года, подумал Берлах. Перед ними в долине лежал Тванн, за ними — Лигерц.

Они повернули и поехали к угадываемому в темноте лесу. Чанц заколебался и сказал, что дорога, может быть, ведет только в Шернельц. Поравнявшись с пешеходом, Чанц остановил машину.

— Это дорога на Ламбуэн?

— Поезжайте прямо вперед, а за белыми домами на опушке леса — направо в лес, — ответил человек в кожаной куртке

и свистнул своей собачонке, белой с черной мордой, крутившейся в свете фар.

— Пошли, Пинг-Понг!

Они миновали виноградники и вскоре оказались в лесу. Ели, словно бесконечный строй колонн, надвигались на них в свете фар. Дорога была узкой и скверной, то и дело в стекло ударялись ветки. Справа дорога круто обрывалась. Чанц ехал так медленно, что было слышно, как шумит вода в ущелье.

— Это ущелье Тваннбах, — пояснил Чанц. — По ту сторону — дорога в Тванн.

Скалы слева то скрывались в темноте, то вспыхивали белым светом. Кругом царил мрак, было новолуние. Дорога больше не поднималась, и ручей шумел теперь рядом с ними. Они свернули налево и проехали через мост. Перед ними открылась дорога. Дорога от Тванна на Ламбуэн. Чанц остановил машину.

Он выключил фары, и они очутились в полной темноте.

— Что теперь? — спросил Берлах.

— Теперь будем ждать. Без двадцати восемь.

Они стали ждать. Часы показывали уже восемь, но ничего не происходило. Тогда Берлах сказал, что пора уже Чанцу объяснить, что он задумал.

— Определенного плана у меня нет, комиссар. Я пока недостаточно вник в дело Шмида, да и вы еще блуждаете в потемках, хотя у вас и есть подозрение. Сейчас я исхожу из того, что там, где Шмид был в среду, вечером должно снова собраться общество, и многие наверняка приедут на машинах, ведь общество, где в нынешнее время носят фрак, должно быть многочисленным. Это, конечно, лишь предположение, комиссар Берлах, но предположения в нашем деле для того и существуют, чтобы исходить из них.

— Расследования по поводу пребывания Шмида на Тессенберге, проведенные полицией Биля, Нойенштадта, Тванна и Ламбуэна, не дали никаких результатов, — скептически заметил комиссар в ответ на рассуждения своего подчиненного.

— Шмид стал жертвой человека более ловкого, нежели полиция Биля и Нойенштадта, — возразил Чанц.

— Откуда вам это известно? — проворчал Берлах.

Дюрренматт Ф.

Д 97 Судья и его палач. Обещание : романы, повести, радиопьеса / Фридрих Дюрренматт ; пер. с нем. Е. Кацевой, Г. Снежинской, Е. Факторовича и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26069-6

Фридриха Дюрренматта часто называли мастером невероятных сюжетов. Прославленный швейцарский писатель признавался, что писать детективы его заставляла нужда. Пожалуй, великолепный стилист и мастер интриги здесь несколько лукавил. Потому что именно этот жанр принес Дюрренматту широкое признание. Его романы и повести, такие как «Судья и его палач», «Обещание», «Подозрение» и другие, считаются эталоном детективного жанра. Искусно сотканная интрига, держащая в напряжении до последних страниц, стремительно развивающиеся события, эксцентричный главный герой, неожиданные повороты сюжета — все это характерные составляющие детективов Дюрренматта. Впрочем, следует уточнить, что его писательское дарование не было ограничено рамками одного жанра, и ряд произведений настоящего тома выходит далеко за пределы обыкновенных детективных историй...

УДК 821.112.2

ББК 84(4Шва)-44

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ
СУДЬЯ И ЕГО ПАЛАЧ
•
ОБЕЩАНИЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректор Елена Терскова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.07.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіріші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-IL0-35049-01-R